

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.119.128>

БУСИННОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ ДЕВОЧКИ ИЗ ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ РУБЕЖА ЭР (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПЬЯНОБОРСКОГО КИПЧАКОВСКОГО I КУРГАННО-ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА)

©2022 г. С.Э. Zubov, С.С. Ronzhova

В статье анализируется ожерелье из детского захоронения (курган 5, погр. 17/2013) Кипчаковского I курганно-грунтового могильника. Возраст ребенка по набору изолированных молочных зубов соответствовал 3–4 годам. Погребение включало в себя богатый набор украшений одежды, головного убора и обуви из цветных металлов, а также представительный бусинный комплекс, большая часть которого входила в состав ожерелья. Это шейное украшение состояло из многочисленных стеклянных бус импортного происхождения. Бусы были разделены на три основные категории: многоцветные (полихромные) (3 экз.), одноцветные (89 экз.), бусы с металлической прокладкой (134 экз.) и на 10 типов в соответствии с разработками Е.М. Алексеевой. Довольно широкая датировка бусинного материала по Е.М. Алексеевой (II в. до н.э. – I в. н.э.) была откорректирована планиграфическими наблюдениями, что позволило определить более узкие хронологические рамки (II – сер. I в. до н. э.). В целом, ожерелье представляет с собой многоярусную композицию из 4–5 рядов бус разных категорий.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Волго-Камье, пьяноборская культура, детские захоронения, бусинный инвентарь, хронология, импорты.

GIRL'S BEAD NECKLACE FROM THE WESTERN URALS AT THE TURN OF THE ERA (BASED ON MATERIALS FROM THE EXCAVATIONS OF PYANY BOR KIPCHAKOVO I MOUND-SOIL BURIAL GROUND)

S. E. Zubov, S.S. Ronzhova

A necklace from a children's burial (barrow 5, burial 17/2013) of the Kipchakovo I mound-soil burial ground is analyzed in the paper. The age of the child according to the set of isolated milk-teeth corresponded to 3–4 years. The burial included a rich set of clothing decorations, a headdress and shoes made of non-ferrous metals, as well as representative bead complex, most of which was part of the necklace. This neck adornment consisted of numerous imported glass beads. The beads were divided into three main categories: multi-color (polychrome) (3 pieces) monochrome, (89 pieces), beads with a metal spacer (134 pieces) and 10 types according to the samples of E.M. Alekseeva. Quite a wide dating of bead material by E.M. Alekseeva (2nd century BC - 1st century AD) was corrected by planigraphic observations, which made it possible to determine a narrower chronological framework (II - mid-I century BC). In general, the necklace is a multi-tiered composition of 4–5 rows of beads of different categories.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Volga-Kama, Pyany Bor culture, children's burials, bead implements, chronology, imports.

Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник и расположенное в непосредственной близости от него городище, несомненно, составляют единый археологический комплекс, материалы которого представлены раннепьяноборскими древностями и коррелируются между собой достаточно четко. Кипчаковский археологический комплекс находится в лесостепной зоне Предуралья на коренной террасе правого берега р. Сюнь, левого притока р. Белой (рис. 1; 2). Исследования этого археологического объекта начались в 1990 году и на сегодняшний момент частично опубликованы (Зубов, 1998; Зубов,

2004; Зубов, 2007; Зубов, 2010; Гарустович, Тагиров, 2012; Зубов и др., 2021).

Раскопками могильника в 2013 г. было исследовано, без сомнения, уникальное детское погребение 17/2013 под насыпью кургана 5 (рис. 3). Костяк погребенного ребенка не сохранился. Фиксировался в ряде случаев лишь еле заметный тлен от черепа и трубчатых костей конечностей под бронзовыми украшениями. Только зубы имели удовлетворительную сохранность, анализ которых позволил определить возраст девочки в пределах 3–4 лет (Зубов, Калмина, Мясникова, 2014, с. 88–89). Погребение включало

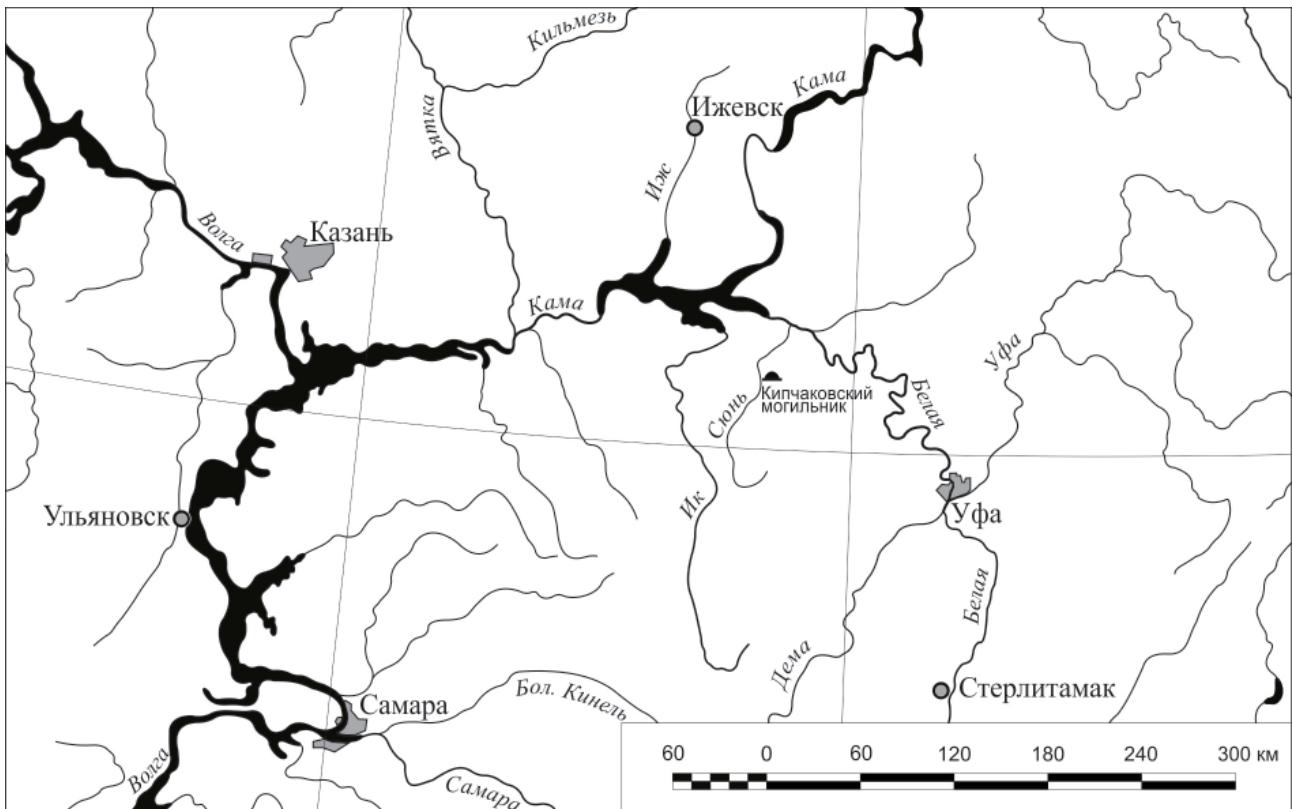

Рис. 1. Карта-схема расположения Кипчаковского I курганно-грунтового могильника.

Fig. 1. Location map-scheme of the Kipchakovo I mound-soil burial ground

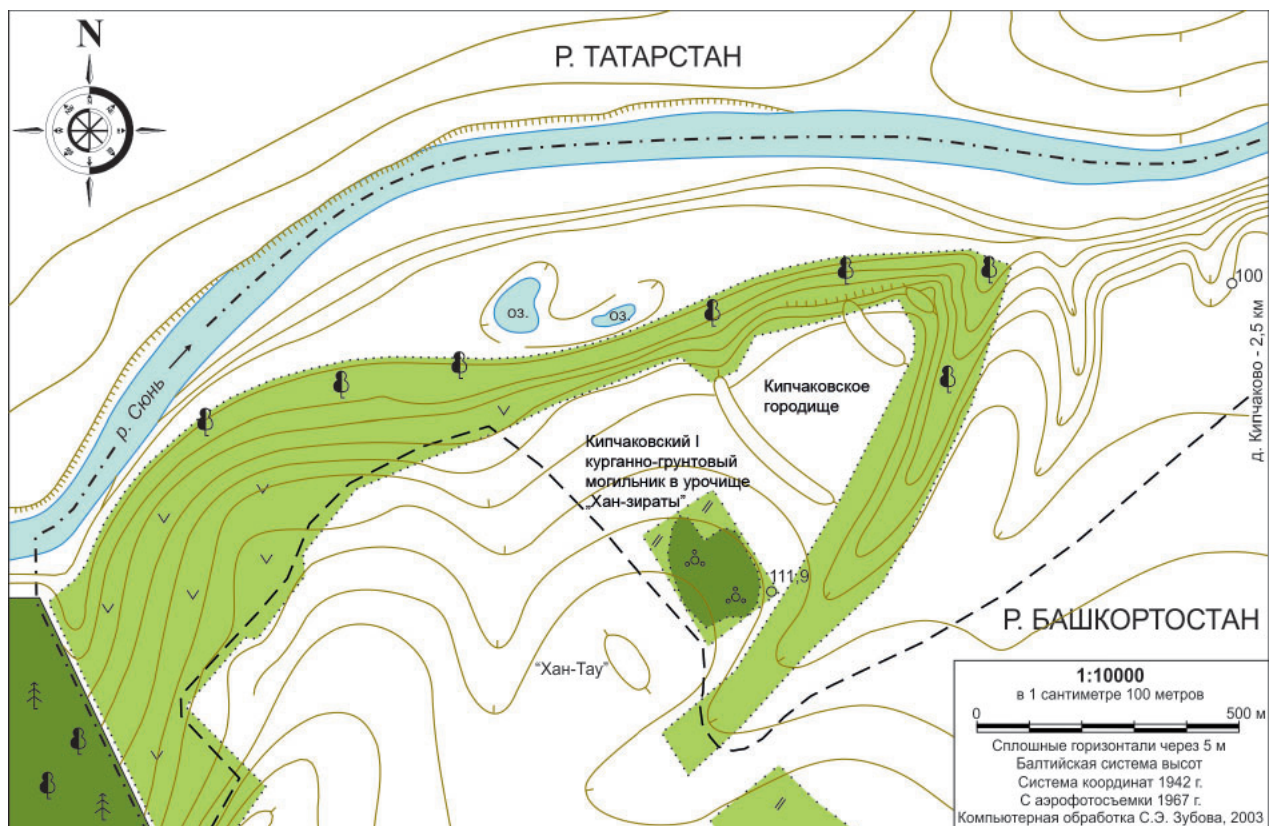

Рис. 2. Топографический план местности с Кипчаковским археологическим комплексом (Республика Башкортостан, Илишевский район, окрестности д. Кипчаково).

Fig. 2. Topographic plan of the area with the Kipchakovo archaeological complex (Republic of Bashkortostan, Ilishevo district, vicinity of Kipchakovo).

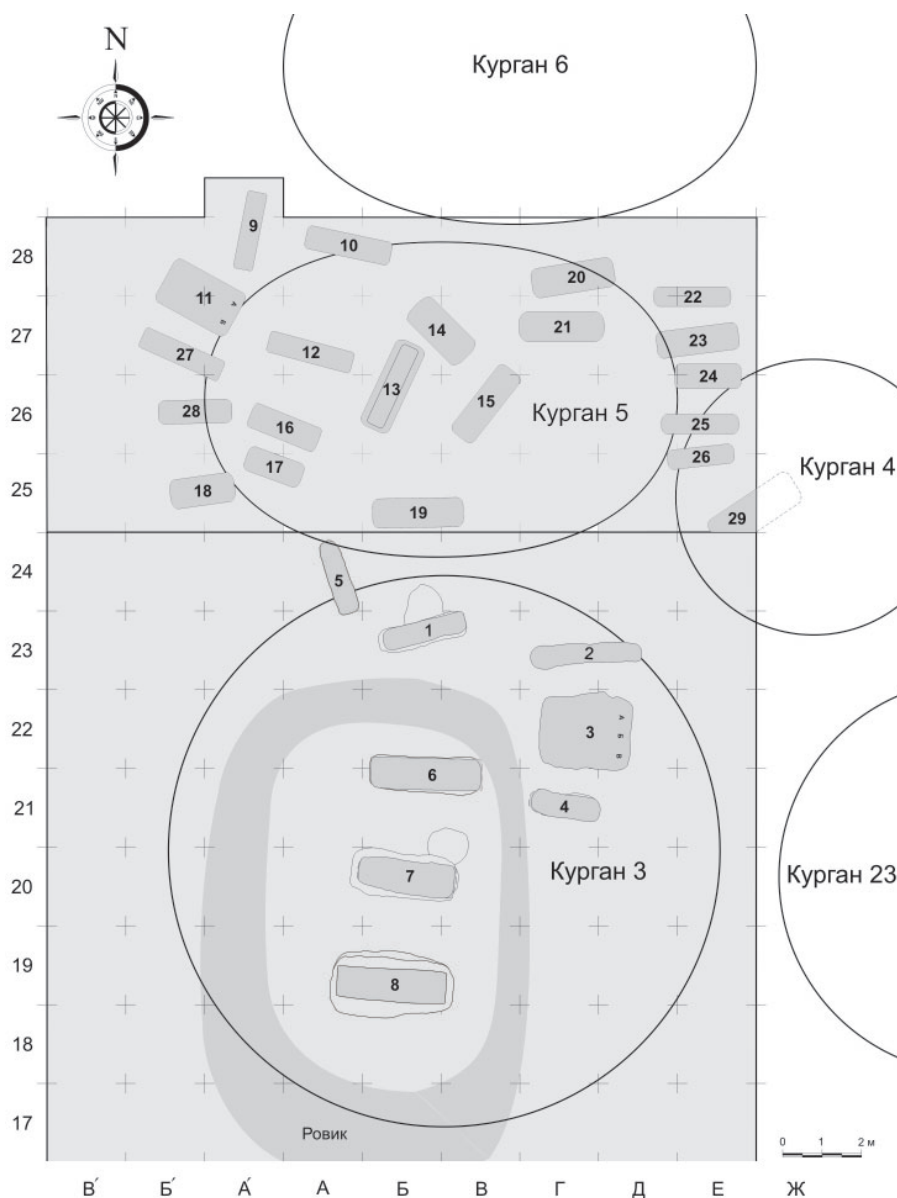

Рис. 3. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. План раскопа кургана 5 (2013) и кургана 3 (2006)
Fig. 3. Kipchakovo I mound-soil burial ground. Excavation plan of the barrow 5 (2013) and barrow 3 (2006)

в себя богатый набор украшений одежды, головного убора и обуви из цветных металлов. Кроме этого, в области шеи и грудной клетки был расчищен более чем представительный бусинный комплекс (рис. 4), изучению которого и посвящена настоящая работа.

Многие специалисты, занимающиеся проблемами датирования археологических материалов пьяноборской культуры, прежде всего обращают внимание на бусы импортного происхождения, опираясь на разработки Е.М. Алексеевой, которые на данный момент являются полным сводом бус и подвесок из Северного Причерноморья (Алексеева, 1975; 1978; 1982). К примеру, Д.Г. Бугров при описании бус из Тойгузинского II городища идентифицировал их с типами по классификации Е.М. Алексеевой (Бугров, 2007, с. 442).

Р.Д. Голдина и А.А. Красноперов при публикации Ныргындинского I могильника типологию бус и их хронологию выстраивали по работе Е.М. Алексеевой (Голдина, Красноперов, 2012, с. 71–75, 78–81). Б.Б. Агеев создал свою классификацию, но краткое описание и датировку бус дал со ссылкой на классификацию Е.М. Алексеевой (Агеев, 1992, с. 32–35). Наконец, Р.Р. Саттаров в своей диссертации по импортным предметам пьяноборской культуры в части обработки бусинного материала и хронологической привязки использовал классификацию Е.М. Алексеевой (Саттаров, 2019, с. 77–82). В связи с этим мы посчитали возможным опереться на фундаментальный труд известного специалиста Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1975; 1978; 1982) и использовать ее классификацию для определения

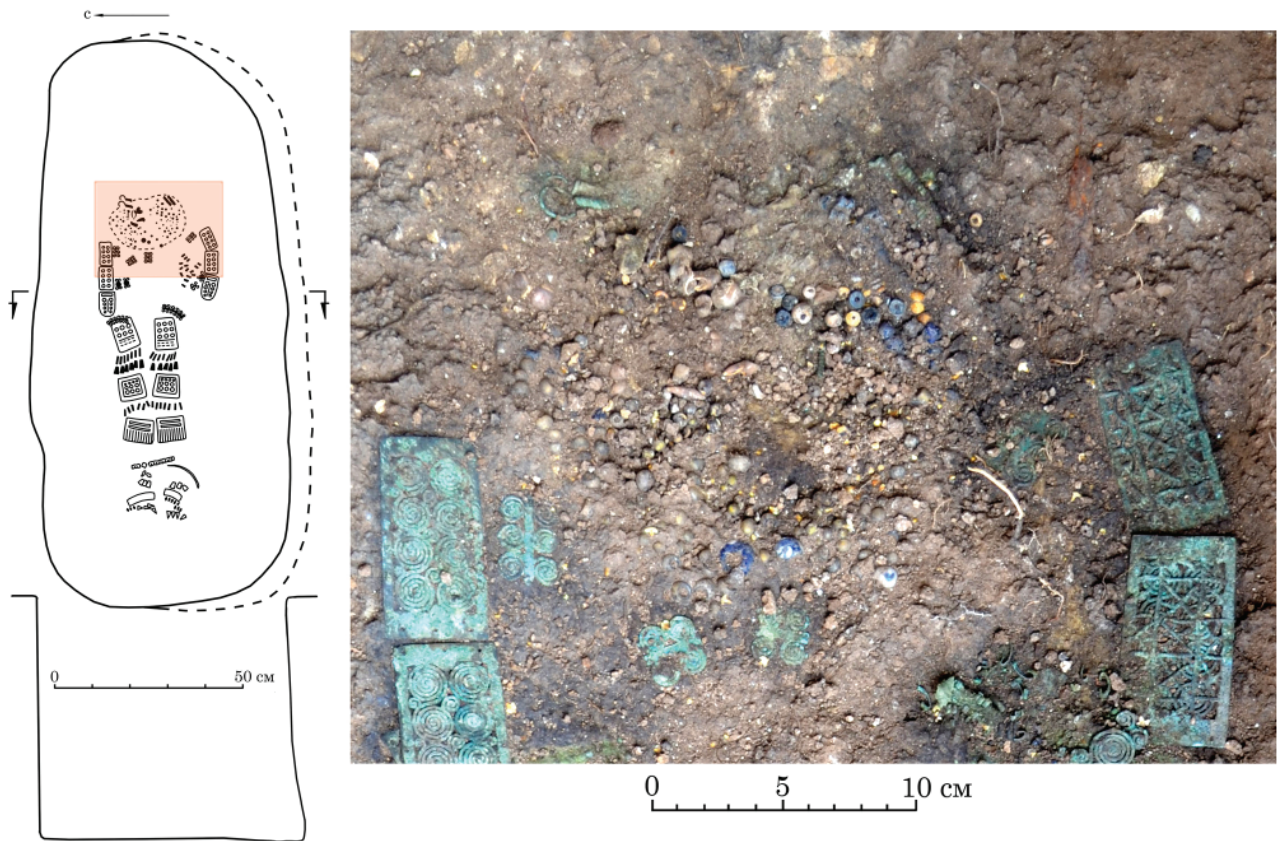

Рис. 4. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. План погребения 17/2013 с фотографией фрагмента погребения, выделенного на плане

Fig. 4. Kipchakovo I mound-soil burial ground. Plan of the burial 17/2013 with a photo of the burial fragment highlighted on the plan

типов и времени бытования бус в ожерелье из погребения 17 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника.

В погребении 17 в составе ожерелья было найдено 226 бус, которые были разделены по следующим категориям: многоцветные (полихромные) (3 экз.), одноцветные (89 экз.), бусы с металлической прокладкой (134 экз.). Бусы ожерелья были распределены на 10 типов по классификации Е.М. Алексеевой (табл. 1).

Самую малочисленную категорию бус – многоцветные – представляют 2 бусины из глухого грязно-синего стекла с глазчатым орнаментом в виде центрального синего диска, обведенного белым кольцом и 1 бусина с аналогичным орнаментом, но из глухого белого стекла. Синие бусы, соответствующие типу 33 варианта а, датируются широко, начиная с эпохи эллинизма (III–I вв. до н. э.) и I в. н. э. (Алексеева, 1975, с. 61), а белая бусина типа 26 варианта а датируется Е.М. Алексеевой II в. до н. э. (Алексеева, 1975, с. 59).

Среди одноцветных бус насчитывается 6 типов. Больше всего на ожерелье девочки встречено цилиндрических черных бус (51

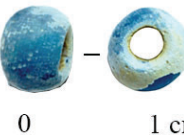
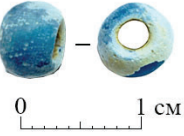
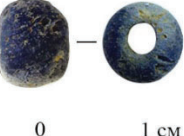
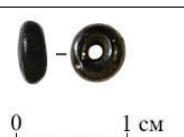

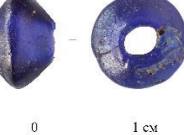

экз.), которые, по мнению Е.М. Алексеевой, соответствуют типу 54 и датируются II–IV вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 67). Однако стоит отметить разницу в технике изготовления бус типа 54. В отличие от описания Е.М. Алексеевой, бусы из погребения были сделаны не из пластины, а, скорее всего, из трубочки, т. к. нет шва в месте стыка краев пластинки.

Бочковидные, поперечно-сжатые бусы из глухого черного стекла (8 экз.) Е.М. Алексеева определяет типом 18. Они встречаются во II в. до н. э. и в I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 65).

Остальные четыре типа бус датируются широко. Это округлые бусы из стекла купоросного цвета типа 12 (5 экз.), определенные в пределах II в. до н. э. – I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 64), округлые бусы из бирюзового глухого стекла типа 13 (1 экз.), которые использовались начиная со II–I вв. до н. э. и вплоть до III в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 64), округлые синие бусы типа 15 (4 экз.), сделанные из глухого стекла и датирующиеся III–I вв. до н. э., I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 64–65), и биконические бусы из синего прозрачного стекла типа 94 (20 экз.), распространенные с

Таблица 1. Хронология и типология бус из погребения 17/2013 кургана 5 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника (Категория, тип и датировка по: Алексеева, 1975; 1978)

Table 1. Chronology and typology of beads from the burial 17/2013 of the barrow 5 from Kipchakovo I mound-soil burial ground (category, type and dating by Alekseeva, 1975; 1978)

Категория	Тип	Датировка	Рисунок
Многоцветные (полихромные)	Тип 26 вариант а: округлые бусы из глухого белого стекла с тремя глазками. А – глазки накладные: на ядро нанесены синие диски и синие кольца вокруг них, последние имеют один-два разрыва. (Алексеева, 1975, с.59)	II в. до н.э.	
	Тип 33 вариант а: округлые бусы с различной пропорциональной характеристикой, сделанные из грязно- и темно-синего стекла, глухого, прозрачного и полупрозрачного. А – разнообразные бусы с плоскими глазками, центральный синий диск которых обведен одним кольцом. (Алексеева, 1975, с.61)	III-I вв. до н.э., I в.н.э	
Одноцветные	Тип 12: Округлые бусы из прозрачного стекла купоросного цвета. Большая часть бус имеет гладкие края отверстий. (Алексеева, 1978, с.64)	II в. до н.э. – I в.н.э.	
	Тип 13: округлые бусы из глухого бирюзового стекла. Бусы имеют гладкие края отверстий. (Алексеева, 1978, с.64)	II-I вв. до н.э., I, II-III вв. н.э.	
	Тип 15: округлые синие бусы. (Алексеева, 1978, с.64-65)	III-I вв. до н.э., I в.н.э	
	Тип 18: бочковидные, поперечно-сжатые бусы из глухого черного стекла. (Алексеева, 1978, с.65)	II в. до н.э., I в.н.э.	
	Тип 54 (близкий к типу): цилиндрические бусы из глухого черного стекла. (Алексеева, 1978, с.67)	II-IV вв.н.э.	
	Тип 94: синие биконические бусы из прозрачного стекла. (Алексеева, 1978, с.68)	Конец VI в. до н.э. по IV в.н.э.	
Бусы с металлической прокладкой	Тип 1 вариант а: округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусы из прозрачного бесцветного стекла. А – бусы с гладкими краями отверстий и ровной поверхностью, некоторые сделаны из желтоватого стекла. (Алексеева, 1978, с.29)	III-I вв. до н.э., I в.н.э.	
	Тип 5 (близкий к типу): пропорциональные и короткоцилиндрические бусы. (Алексеева, 1978, с.30-31)	III-I вв. до н.э., I- II в.н.э.	

конца VI в. до н. э. по IV в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 68).

Категория бус с металлической прокладкой самая многочисленная в ожерелье. 123 экземпляра представлены одним типом – типом 1 варианта а, и представляют собой округлые пропорциональные и поперечно-сжатые бусы из прозрачного бесцветного стекла с золотой или серебряной прокладкой. Такие бусы были присущи комплексам эллинистического времени, т. е. III–I вв. до н. э. и продолжали бытовать в первые века н. э. (Алексеева, 1978, с. 29). Еще одна деформированная бусина предположительно может быть отнесена к данному типу, т. к. на краю этой бусины сохранились остатки позолоты. Другой тип бус – пропорциональные и короткоцилиндрические бусы (10 экз.) – близок к типу 5 по классификации Е.М. Алексеевой и датируется ей III–I вв. до н. э., I–II вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 30–31).

Что касается хронологии всей массы бус ожерелья, то все эти типы (кроме бус, близких к типу 54) бытовали с конца прошлого тысячелетия по первые века нашей эры. Определение более четкой ранней даты существования погребения 17/2013 по импортным бусам III в. до н. э. вызывает вопрос, так как ряд типов начинают свое существование только со II в. до н. э. (тип 26а, тип 12, тип 13, тип 18). Поэтому мы устанавливаем раннюю дату со II в. до н. э.

Говоря о поздней дате, то почти все бусы бытовали в I в. н. э., лишь некоторые продолжали существовать и в последующие века (тип 13, тип 54, тип 94, тип 5). Вызывает вопрос многоцветная бусина типа 26а, которая датируется самой Е.М. Алексеевой II в. до н. э., однако, как она отмечает, глазчатый орнамент был одним из наиболее распространенных в античное время (Алексеева, 1978, с. 35), что позволяет говорить о длительном существовании данного типа в Причерноморье и других территориях.

Таким образом, погребение 17/2013 кургана 5 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника по импортным стеклянным бусам в составе ожерелья погребенной можно датировать в пределах II в. до н. э. – I в. н. э.

К этому следует добавить некоторые планиграфические наблюдения, позволяющие в некоторой степени уточнить эту весьма широкую датировку. Все мужские захоронения под насыпью кургана 5 следует отнести к раннему периоду существования могильника по наличию в них исключительно бронзовых

наконечников стрел (рис. 3, погр. 15, 16, 22, 24, 27). В мужских захоронениях примыкающего с южной стороны кургана 3 (рис. 3, погр. 2, 3, 4, 8) также были обнаружены исключительно бронзовые наконечники стрел. Железных наконечников стрел не было ни в одном из мужских погребений этих курганов. Анализ колчаных наборов из мужских погребений Кипчаковского могильника позволил специалистам сделать вывод о том, что «у пьяноборского населения смена на железные наконечники стрел произошла в середине – второй половине I века до н. э., повсеместно утвердившаяся к началу I в. н. э.» (Зубов, Саттаров, 2018, с. 214). Таким образом, мы можем откорректировать хронологические рамки погребения 17/2013 и датировать его по совокупности доступных нам на сегодняшний день материалов II – сер. I в. до н. э.

При описании отдельных типов бус нельзя не сказать и о самом ожерелье в целом. Воссоздать первоначальный вид ожерелья с абсолютной точностью не представляется возможным в связи с хаотичным положением бусин в погребении (рис. 4). Хотя в ряде случаев видны четкие ряды бусин, которые позволяют предложить некую реконструкцию бусинного ожерелья ребенка.

На наш взгляд, ожерелье состоит из двух частей. Первая включает в себя бусы из одноцветного стекла, вторая состоит из металлической прокладки и многоцветных бусин (рис. 5).

В первой части мы видим два ряда бус, которые располагались вокруг шеи. Спереди прослеживается 2 ряда бус различных типов (12; 13; 15; 18; близкий к типу 54; 94). Еще два ряда цилиндрических бус (близких к типу 54) располагались, по всей вероятности, под шеей погребенной.

Во второй части ожерелья сложно выделить количество рядов, скорее всего, их было 2 или 3. На самом нижнем ряду в центре располагались 3 крупные многоцветные бусины, две синие (тип 33а) и рядом с ними белая (тип 26а).

В целом ожерелье представляет с собой многоярусную композицию из 4–5 рядов бус разных категорий. При анализе всего комплекта бусин возникает вопрос о составе бусинного ожерелья, были ли это 4–5 отдельные низок бус или это цельное украшение с общим креплением (рис. 5).

Детское погребение 17/2013 кургана 5 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника выделяется своей уникальностью

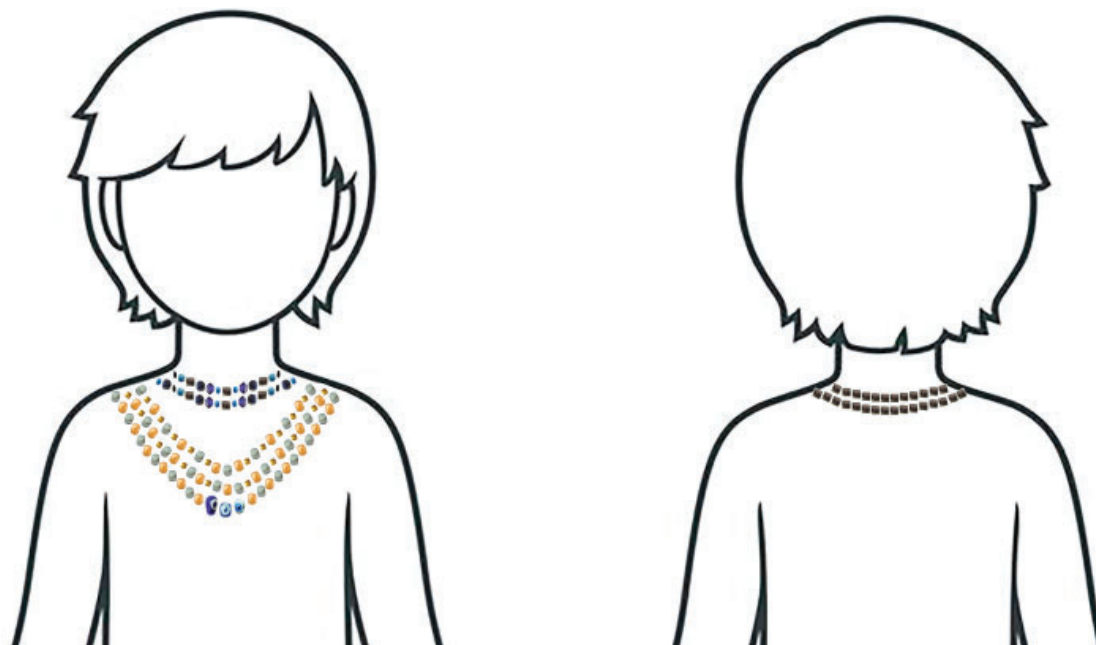

Рис. 5. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. Реконструкция бусинного ожерелья погребения 17/2013 (компьютерная обработка – Ронжова С.С., Титова Л.В.)

Fig. 5. Kipchakovo I mound-soil burial ground. Reconstruction of the bead necklace from the burial 17/2013 (computer processing - Ronzhova S.S., Titova L.V.)

среди других детских погребений могильника благодаря большому количеству бронзовых изделий, украшавших одежду, и богатого бусинного материала. Все это может говорить о явном привилегированном положении захороненного здесь ребенка среди других погребений детей на Кипчаковском могильнике. В большинстве случаев в детских захоронениях по 1–2 экземпляра от 2–3 категорий предметов, чаще всего из числа личных украшений и украшений одежды. Так, из 64 погребений Кипчаковского могильника, исследованных под руководством Ф.М. Тагирова, восемь детских захоронений не отличаются обилием сопровождающего инвентаря, кроме более богатого по составу украшений захоронения девочки из погр. 26/1994 (Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021, с. 294–295). Такая тенденция среди детских погребений наблюдается и в других могильниках пьяноборской культуры. Например, в исследованной части Старокиргизовского могильника из 137 погребений было выявлено 33 детских. Выделяются только четыре погребения со сравнительно богатым инвентарем. Остальная часть детских погребений (29 могил) была либо совсем без инвентаря, либо с минимальным количеством вещей (в девяти из них встречены бусы). Подобная ситуация наблюдается и в Юлдашевском могильнике, где из 131 исследованной могилы было выявлено 46 детских погребений, большее число из которых (38

могил) без вещей либо с минимальным набором погребального инвентаря (Пшеничнюк, 1986, с. 45–74).

Многие исследователи отмечают крайне малое количество детских захоронений из огромного числа уже исследованных погребений пьяноборской культуры (Генинг, 1963, с. 84–85; 1970, с. 115; Агеев, 1992, с. 20; Журавлева, 2014, с. 73). Особенно редки погребения детей до 4–5 лет, хотя детская смертность, особенно до 1–3 лет, была чрезвычайно высокой.

На малое количество детских захоронений также обращают внимание специалисты, проводящие исследования памятников раннего железного века на сопредельных территориях (Берсенева, 2011, с. 62–64).

Немногочисленные детские захоронения в могильниках пьяноборской культуры организовывались в соответствии с общей традицией погребальной обрядности. Позиция и ориентировка умершего ребенка в могиле не отличались от захоронений взрослых. Не улавливается разница также и в расположении сопровождающего погребального инвентаря. Отличительной особенностью детских захоронений в большинстве случаев являются менее глубокие могильные ямы и сравнительно скудный погребальный инвентарь, что, скорее всего, обуславливалось определенным положением ребенка в обществе (Зубов и др., 2021, с. 65–66). По материалам других

территорий специалисты также отмечают для детских захоронений полное или небольшое, за редким исключением, количество предметов в погребальных комплексах (Стоянова, 2012, с. 91; Савельев, 2019, с. 60).

Именно в случае с захоронением девочки (курган 5, погр. 17/2013) из Кипчаковского могильника вступает в силу то самое редкое исключение, когда многочисленный и отчасти уникальный инвентарь детского погребения резко диссонирует со среднестатистическими малоинвентарными детскими захоронениями и даже значительно превышает по количе-

ству предметов многие «богатые» женские захоронения пьяноборской культуры в целом и указанного конкретного могильника в частности. Многочисленные предметы украшения верхней одежды из цветного металла, украшения головного убора и обуви детского погребения 17/2013 составляют почти 200 экземпляров. После проведения спектрального анализа украшений из цветных металлов и изучения технологических приемов их изготовления авторы планируют ввести в научный оборот полный комплекс материалов этого яркого захоронения.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/1. М.: Наука, 1975. 94 с., 19 табл.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/2. М.: Наука, 1978. 104 с., табл. 20–34.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/3. М.: Наука, 1982. 105 с., табл. 35–54.
- Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 204 с.
- Бугров Д.Г. Бусы Тойгузинского II городища // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2007. Вып. XVII. С. 442–453.
- Гарустович Г.Н., Тагиров Ф.М. Новые находки с Кипчаковского городища на Северо-западе Башкортостана // УАВ. Вып. 12. Уфа: Гилем, 2012. С. 124–135.
- Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. / ВАУ. Вып. 5. Ижевск, 1963. 195 с.
- Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22 / Отв. ред. Л.И. Липина. Ижевск: УдГУ, 2012. 364 с.
- Журавлева Г.Н. Предварительные итоги изучения Нырғындынского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга // Поволжская археология. 2014 №1 (7). С. 69–91.
- Зубов С.Э. К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско–писеральского типа // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 1999. С. 44–51.
- Зубов С.Э. Проблемы этнической дивергенции пьяноборского этноса // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 2004. С. 267–279.
- Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 72–88.
- Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // УАВ. Вып. 10. Уфа: Гилем, 2010. С. 64–82.
- Зубов С.Э., Калмина О.А., Мясникова О.В. Детское погребение из Кипчаковского I курганно-грунтового могильника: археологический контекст и морфология зубов // Международная полевая школа в Болгаре. Материалы. Вып. 1 / Отв. ред. А.Г. Ситдииков Казань, Болгар: Институт археологии им. А.Х. Халикова, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. С. 86–91.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребений Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 210–214.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник // Археология Евразийских степей. 2021. №2. С. 261–300.

Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Рослякова Н.В., Саттаров Р.Р. Погребение мальчика-охотника из Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 65–77.

Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С.45–74.

Савельев Н.С. Детские погребения кочевников Южного Урала середины I тыс. до н. э. // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 55–62.

Стоянова А.А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.

Информация об авторах:

Зубов Сергей Эдгарович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1756-9773>

Ронжова Светлана Сергеевна, старший лаборант Научно-исследовательской лабораторией археологии Самарского университета, студентка 1 курса магистратуры направления «История» по профилю «Археология Поволжья» СГСПУ (г. Самара, Россия); svetlana.ronzhova@yandex.ru

REFERENCES

Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaiia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/3. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Berseneva, N. A. 2011. *Sotsial'naia arkheologiiia: vozrast, gender i status v pogrebeniakh sargatskoi kul'tury (Social Archaeology: Age, Gender, and Status in Burials of the Sargat Culture)*. Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Bugrov, D. G. 2007. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (17), 442–453 (in Russian).

Garustovich, G. N., Tagirov, F. M. 2012. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (12), 124–135 (in Russian).

Gening, V. F. 1963. *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo peregreniia narodov (Azeline Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on History of the Vyatka Area in the Great Migrations)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 5. Izhevsk (in Russian).

Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd – 3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Zhuravleva, G. N. 2014. In *Povolzhskaia arkheologiiia (Volga River Region Archaeology)* 7 (1), 69–91 (in Russian).

Zubov, S. E. 1999. In Arsent'ev, N. M. (ed.). *Issledovaniia P. D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy sovremennosti (P. D. Stepanov's Studies and Modern Ethnic-Cultural Processes)*. Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovia State University named after N. P. Ogarev, 44–51 (in Russian).

Zubov, S. E. 2004. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya (Issues of Archaeology of the Urals and the Volga Region)* 2. Samara: "Samarskiy universitet" Publ., 267–279 (in Russian).

Zubov, S. E. 2007. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 6–7. Ufa: "Gilem" Publ., 72–88 (in Russian).

Zubov, S. E. 2010. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 10. Ufa: "Gilem" Publ., 64–82 (in Russian).

Zubov, S. E., Kalmina, O. A., Myasnikova, O. V. 2014. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Mezhdunarodnaia polevaia shkola v Bolgare. Sbornik materialov itogovoi konferentsii (International Field School in Bolgar: Proceedings of the Final Conference)*. 2. Kazan; Bolgar: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov; Kazan (Volga Region) Federal University, 86–91 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R.R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)*. Samara: “Samara State University of Social Sciences and Education”, “Porto-Print” Publ., 210–214 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R., Tagirov, F. M. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 261–300 (in Russian).

Zubov, S. E., Lifanov, N. A., Roslyakova, N. V., Sattarov, R. R. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 65–77 (in Russian).

Pshenichuk, A. Kh. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iyakh Beloi (Archaeological Research in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 45–74 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2019. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 62 (1). 55–62. (in Russian).

Stoyanova, A. A. 2012. *Detskie pogrebeniia iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003-2009 gg.) (Children's Burials from the Opushki Burial Ground (Based on the Results of Excavations in 2003-2009))*. Simferopol: “Dolia” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Zubov Sergey E. Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Akademika Pavlova, Str. 1, Samara, 443011, Russian Federation, guberfond@rambler.ru

Ronzhova Svetlana S. Samara National Research University. Akademika Pavlova, Str. 1, Samara, 443011, Russian Federation; Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorky, Str., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; svetlana.ronzhova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.